

ЯРОСЛАВ СЕВЕРЦЕВ

ЗАПАСНОЙ ИЗ БУДУЩЕГО

ТОМ 2

СТАЛЬНОЙ КОНТРАКТ

18+

Ярослав Северцев

Запасной из будущего
Стальной каркас

«Автор»

2026

Северцев Я.

Запасной из будущего Стальной каркас / Я. Северцев — «Автор»,
2026

Провинциальный «Вымпел» совершил невозможное — обыграл челябинский «Трактор» и завоевал путевку на Всесоюзный турнир в Москву. Но цена победы оказалась сокрушительной: капитан команды Макс Субботин, запертый в хлипком теле пятнадцатилетнего Мишки Соколова, получает тяжелое сотрясение мозга, а главный силовой защитник Боря Шкаф выбывает из строя с раздробленным пальцем.

© Северцев Я., 2026

© Автор, 2026

Ярослав Северцев

Запасной из будущего Стальной каркас

Дорогие читатели!

Обратите внимание! Важное дисклеймер-уведомление от автора:

Все имена, персонажи, места и события, описанные в романе, **являются полностью вымышленными**. Любые совпадения с реальными историческими лицами, живыми или умершими, а также с подлинными фактами прошлого — случайны.

Эта книга написана в жанре спортивной фантастики и альтернативной истории. Она **не является историческим исследованием или документальной хроникой**, а представляет собой исключительно художественный вымысел и авторский взгляд на развитие событий.

Автор **не имеет умысла принизить, оскорбить или подвергнуть сомнению достижения советской школы хоккея**. Напротив, я искренне считаю отечественную хоккейную систему того периода одной из величайших, самобытных и лучших в мире. Данное произведение — это дань уважения той эпохе, великим спортсменам и железному характеру простых людей, облеченная в увлекательную форму фантастического романа.

В связи с тем, что вы часто спрашиваете о продолжении и просите выпускать новые части как можно быстрее, я хочу открыто поделиться с вами текущей ситуацией и вместе принять важное решение.

На сегодняшний день **вся серия «Запасной из будущего» полностью написана и будет состоять из 5 томов**. Сюжетная линия доведена до финала, однако сейчас все оставшиеся книги находятся в стадии сырого черновика.

Чтобы ускорить процесс публикации и пойти вам навстречу, я попробовал прибегнуть к автоматизированной редакции с помощью специальных программ. К сожалению, этот опыт показал, что машинная обработка текста оставляет желать лучшего: программы часто пропускают сюжетные нестыковки, путают временные рамки и допускают речевые повторы. Качественную, «живую» историю таким способом не получить.

Перед нами стоит выбор, и я хочу, чтобы его сделали именно вы. Пожалуйста, напишите в комментариях, какой путь для вас предпочтительнее:

Скорость. Я могу выкладывать книги одну за другой в том виде, в котором они есть сейчас. Но в этом случае вам придется набраться терпения и закрывать глаза на возможные текстовые ляпы, ошибки, повторы и логические нестыковки черновика.

Качество. Я отдаю книги на глубокую профессиональную редактуру. Текст будет чистым, выверенным и качественным, но этот процесс потребует времени — в среднем **около 2 месяцев на каждый том**.

Голосуйте в комментариях, делитесь своим мнением и, пожалуйста, не судите строго! Выбор за вами — от него зависит, когда и в каком виде выйдет продолжение истории Макса Субботина.

С уважением и благодарностью за вашу поддержку,

Ваш Ярослав Северцев

Глава 1. Цена золота

Тяжесть навалилась не сразу. Пока за окнами дребезжащего пазика мелькали серые челябинские пятиэтажки, пока областное начальство с фальшивыми улыбками совало в обмороженные краги массивный серебряный кубок, внутри еще горел сухой, злой адреналин. Но сто-

ило автобусу выехать на разбитый загородный тракт и взять курс на родной машзаводской поселок, как внутри словно открыли кингстоны.

Мир вокруг Макса Субботина, запертого в хлипкой пятнадцатилетней оболочке Мишки Соколова, начал неумолимо сужаться до размеров облупленного сиденья. Автобус подбрасывало на каждой выбоине. Металлический остов кузова глухо стонал, и каждый этот стон сто кратным эхом отзывался в черепной коробке.

Внутри черепа шла своя, отдельная война. Хваленая выносливость, которую Макс по крупицам выкачивал из этого недокормленного тела на ночном льду Лебяжьего озера, оказалась фальшивкой. Биология безжалостно мстила за насилие. Мышцы, забитые молочной кислотой до состояния пережженной резины, остывали и каменели. Правый голеностоп в жесткой колодке старого конька «Ботас» разнесло так, что кожа лопалась. Снять обувь сейчас, в промерзшем салоне, означало сдаться — распухшая нога назад в конек уже не влезет, а впереди еще был выход к людям.

— Мих... Слышь, Мих, — Серёга Воронин, сидевший на соседнем месте, осторожно потрогал его за плечо.

Макс с трудом повернул голову. Шея практически не двигалась. Мышцы затылка и трапеции свело жуткой судорогой после того, как челябинский защитник Глыба во втором периоде врубил ему локтем в челюсть. Перед глазами плыла вязкая, багровая пелена. Правая сторона лица полностью онемела, губы раздулись и напоминали бесформенный кусок сырого мяса.

— Чего тебе, Серый? — вытолкнуть слова удалось только через левый угол рта. Слюна пополам со сгустками запекшейся крови потянулась к подбородку. Макс зло вытер её рукавом грязного пальто.

— Палыч говорит, на вокзале наши встречать будут. Сельпо три ящика сидра выделило. И мужики с литейного обещали с баяном прийти, — Серый улыбался ошалелой, шальной улыбкой человека, который еще не понял, что совершил чудо. На его лбу красовалась огромная багровая шишка, а гетры на коленях были разорваны в клочья.

— Пусть приходят. Мне до дома бы добраться да коньки наконец снять, ногу уже не чувствую практически, — глухо отозвался Макс и снова закрыл глаза.

Праздник. Баян. Им бы радоваться, пацанам из провинциального подвала, которые только что переехали сытый, упакованный спецкласс «Трактора». Но Макс прекрасно знал анатомию таких побед. Это была игра на износ. Штурм, за который расплачиваются не многомиллионными контрактами, а живым человеческим телом, травмами и будущим здоровьем.

Пазик затормозил у стадиона «Машиностроитель» ровно в девять вечера. В полумраке, разрываемом тусклыми желтыми фарами, действительно стояла толпа. Мужики в тяжелых драповых пальто, бабы в пуховых платках, пацанва из младших секций. Кто-то затыкнул «Вдоль по Питерской» под хриплый аккордеон.

Макс попытался встать, и в этот момент левое ребро прострелило такой дикой, ослепляющей болью, что из груди вышибло остатки кислорода. В глазах полыхнул свет — точно такой же, как в Бостоне, когда каркас ворот встретил его висок. Он пошатнулся и едва не рухнул в проход, но огромная, жесткая рука Бори «Шкафа» поймала его за шиворот.

— Держись, капитан, — пробасил Шкаф.

Сам Боря был бледным, как госпитальная простыня. Его правая рука, изуродованная подлым ударом челябинской клюшки, висела плетью. Брезентовая крага была намертво срезана, вместо неё из рукава торчал толстый кокон из серых марлевых бинтов, сквозь которые уже проступили черные сукровичные пятна. Перелом пальца со смещением — диагноз читался без рентгена, и кость требовала срочной хирургической фиксации, а не праздничных митингов.

— Нам падать нельзя. Гляди, сколько народу, — добавил Боря, преодолевая собственную тупую боль.

Кое-как, цепляясь друг за друга, они вывалились на затоптанный снег площадки. Толпа взревела. Макса подхватили какие-то руки, завертели, кто-то совал в лицо колючую цигейковую шапку, со всех сторон летели крики: «Соколы!», «Машзавод!», «Умыли городских!». Палыч, бледный, с растерянной улыбкой на осунувшемся лице, высоко поднимал над головой серебряный кубок. Очки тренера запотели от морозного пара, усы подергивались.

Отец стоял чуть поодаль, у глухой бревенчатой стены каптерки. На нем была рабочая куртка, из кармана торчала неизменная пачка «Беломора». Он не лез в толпу, не орал. Просто смотрел на Макса тяжелым, трезвым взглядом. И в этом взгляде не было гордости — там была суровая мужицкая тревога. Он сразу заметил, как неестественно подобрано левое плечо сына.

До дома дошли молча. Отец нес брезентовый баул, Макс едва переставлял ноги, волоча затупившиеся «Ботасы», связанные шнурками за спиной. Каждый шаг по хрустящему насту отдавался тупым ударом в висок — явный признак легкого сотрясения мозга.

В квартире было тихо. В воздухе стоял запах жареной картошки. Мать всплеснула руками у порога, запричитала, глядя на изуродованное лицо Макса, но отец жестко оборвал её:

— Налей чаю. И не вопи. Дай человеку раздеться.

Макс сел на табурет в прихожей и замер. Пальцы в дырявых шерстяных варежках не слушались, превратившись в бесчувственные деревяшки. Отец молча опустил на корточки. Его огромные ладони, покрытые мазутными трещинами, аккуратно, но твердо взялись за шнурки правого конька. Бечева, пропитанная ледовой крошкой, замерзла в железный узел. Отец достал из кармана складной нож, коротко щелкнул лезвием и перерезал шнуровку.

Когда кожаная колодка наконец сползла с ноги, Макс не удержался и глухо застонал. Голеностоп напоминал сизо-багровый кабачок. Лодыжка заплыла так, что кости не было видно, а в районе сустава налилась черная, глянцевая гематома. Повреждение связок было сильным, но, к счастью, без видимого перелома косточки.

— Доигрался, значит, — тихо, без злобы сказал отец, разглядывая ногу. Он поднялся, прошел на кухню, погромел дверцей холодильника «Орск» и вернулся, держа в руках кусок старого, пожелтевшего свиного сала, завернутый в мокрую марлю. — Ложись на диван. Шевелись давай.

Макс доковылял до большой комнаты. Панцирная сетка жалобно прогнулась, принимая его изломанное тело. Отец сел рядом на край. Он приложил ледяной сверток к распухшей челюсти Макса, сильно прижал. Боль была дикой, но сквозь неё начала проступать спасительная прохлада, сбивающая первичный отек.

— Врача надо завтра, Петя, — тихо сказала мать, замерев в дверном проеме. Она прижимала к груди серый платочек. — Лицо-то как перекосило. И дышит он со свистом.

— Сами знаем, что надо, — буркнул отец. Он не убирал руку со свертком, сидел неподвижно, глядя в темное окно, за которым кружила февральская изморось. — Мужики в цеху говорили, Глыба этот челябинский — костолом известный. Специально бил. Хотели пацана из строя вывести, чтоб Князь их блистал.

Макс слушал этот разговор сквозь плотную, ватную пелену. Мозг отказывался выстраивать сложные тактические схемы будущего. Сейчас он был просто избитым подростком, у которого внутри все горело синим пламенем. Ребро при каждом вдохе терлось о внутренние ткани с характерным сухим хрустом — верный признак трещины. Челюсть ныла так, что зубы казались лишними.

«Ничего, — упрямо думал Макс, теряя остатки сознания под тяжелой рукой отца. — Главное — лед удержали. Область наша. Но этот каркас нужно перестраивать заново. Цена победы оказалась слишком высокой».

Отец сидел рядом всю ночь. В темноте квартиры мерно хрипел старый телевизор, транслируя ночные помехи, а в полумраке прихожей тускло поблескивал серебряный кубок, который они привезли из Челябинска. Но этот кубок сейчас казался Максиму холодным, чужим и беско-

нечно тяжелым железным крестом, который только начинал давить на его новые, неокрепшие плечи.

Глава 2. Больничный лист

Городская больница № 2 машиностроительного поселка располагалась в приземистом трехэтажном здании из серого силикатного кирпича. Макс помнил, что прежний Мишка Соколов бывал здесь лишь однажды, когда в седьмом классе срезал палец ржавой консервной банкой на пустыре. Тогда все ограничилось грязным бинтом и порцией злой зеленки. Сейчас все было иначе.

Внутри пахло острой, въедливой хлорной известью, застарелой махоркой, которую мужики курили на лестничных пролетах вопреки всем запретам, и влажной шерстью сушащихся у чугунных батарей пальто. Стены коридоров, выкрашенные до половины глухой, тяжелой краской цвета болотной тины, тускло отливали в свете редких сороковаттных лампочек.

Макс сидел на жестком деревянном диване возле рентген-кабинета. Каждый шаг от входных дверей дался ему с боем. Отец тащил его под руку, практически волоча по истертому линолеуму, а мать шла сзади, неся в руках тряпичные тапочки и серую карточку из регистратуры. Челюсть Макса за ночь разнесло еще сильнее — правая щека налилась свинцовой тяжестью, глаз почти полностью заплыл, превратившись в узкую багровую щель.

— Следующий! Соколов! — из двери высунулась полная женщина в накрахмаленном белом колпаке, из-под которого выбивались белые кудри.

Отец помог Максиму подняться. В кабинете было зябко. Посреди комнаты возвышался допотопный рентгеновский аппарат — массивный, покрытый серой шагреновой эмалью монстр с толстыми черными проводами, свисавшими с потолка. От него исходило едва уловимое тепло и тяжелое, сухое излучение.

— Раздевайся по пояс, парень. Ложись на щит, — командовала лаборантка, натягивая на грудь тяжелый фартук из просвинцованной резины.

Когда Макс лег на холодную деревянную поверхность, левый бок прошило такой острой, режущей болью, что он не удержался и глухо зарычал. Кожа на ребрах посинела, там налился плотный, продолговатый желвак.

— Не дышать! — рявкнула женщина из-за свинцовой ширмы.

В недрах аппарата что-то глухо, утробно зажужжало. Раздался резкий, сухой щелчок, от которого по спине Макса пробежал неприятный холодок. Затем последовала вторая процедура — лицо пришлось прижать распухшей щекой к металлической кассете, преодолевая дикую, пульсирующую боль в суставе челюсти.

Результатов ждали в коридоре почти час. Пальцы Макса мерзли в больничных тапочках, в голове мерно качался тяжелый чугунный маятник — остаточное явление сотрясения мозга не давало сосредоточиться. Мышцы затылка все еще были каменными, а мысли ворочались медленно, как сонные мухи в банке.

Наконец их вызвал хирург — пожилой, грузный мужчина с пышными седыми усами, в очках со стеклами толщиной с палец. На его рабочем столе, заваленном серыми бланками рецептов, на специальном светящемся экране уже висели два сырых, еще не просохших снимка. На черной пленке отчетливо белели контуры костей.

— Ну что я тебе скажу, хоккеист... — доктор поправил очки и ткнул толстым пальцем в снимок грудной клетки. — Вот здесь гляди. Видишь трещину? Седьмое ребро. Слава богу, без смещения, легкие не задеты. Но дышать тебе будет больно еще долго. А вот тут, на челюстном... Суставная сумка разбита. Сильнейший ушиб, трещины нет, но гематома глубокая, межмышечная. О твердой пище забудь недели на три. Только жиденькое, через трубочку или с ложечки.

Мать сзади тихонько охнула, прижав ладонь к губам. Отец лишь сильнее сжал кулаки, отчего суставы на его слесарных пальцах зловеще хрустнули.

— Доктор, а на лед ему когда можно? — глухо спросил Петр Соколов. — У них там в Москве турнир скоро, путевку обещали.

Хирург медленно повернул голову и посмотрел на отца поверх очков таким взглядом, словно тот предложил отправить сына в космос без скафандра.

— Какой лед, папаша?! Вы в своем уме?! — врач грохнул ладонью по столу так, что зазвенели стеклянные баночки с каплями. — У парня классический синдром сильного сотрясения. Его тошнит? Тошнит. Голова кружится? Кружится. Ему сейчас нужен абсолютный покой. Темная комната, никаких нагрузок. Полтора месяца — минимум! Если он сейчас еще раз головой приложится или ребро доломает — вы мне его калекой привезете. На всю жизнь калекой останется! Пишу освобождение от физкультуры и занятий до конца марта. В стационар класть не буду, мест нет, всё деповскими забито после аварии. Но дома — строгий постельный режим. Понятно?

Макс закрыл глаза. Полтора месяца. Это был приговор. Весь его план, вся выверенная стратегия подготовки к московскому «Кубку Надежд», который должен был пройти в середине апреля, летела к чертям под откос. Без его жесткого контроля на синей линии, без тактических подсказок в центре «канадский замок» превратится в груды дырявого брезента. Пацаны просто не выдержат столичного прессинга.

Когда они вышли в приемный покой, у тяжелых дубовых дверей наткнулись на Серёгу Воронина. Тот сидел на корточках, прижавшись спиной к батарее. Рядом на полу стоял брезентовый баул, из которого торчал край шины.

— Вы чего тут? — удивился отец.

— Да мы Бориску привезли... Шкафа, — Серёга поднялся, лицо его было серым от усталости. Багровая шишка на лбу пожелтела по краям. — Ему в Челябинске замотали на живую руку, сказали — ушиб. А сейчас в депо приехали, у него палец разнесло, как сосиску, и почернел весь. Он орет благим матом, терпеть не может.

Из смотрового кабинета в конце коридора как раз выкатили кушетку. Шкаф сидел на ней, свесив огромные ноги в подшитых валенках. Его правая кисть была полностью обнажена. Макс, повидавший за свою карьеру в НХЛ немало жутких травм, невольно поморщился. Средний палец Бори напоминал гнилое веретено — сине-черный, раздувшийся, с сорванным ногтем. Кость внутри была явно раздроблена подлым ударом челябинской клюшки.

Из кабинета вышел молодой травматолог, вытирая руки марлевой салфеткой. Его лицо было суровым.

— Кто с парнем? — спросил он, оглядывая присутствующих.

— Мы из одной секции, — шагнул вперед Серёга. — Из «Вымпела». Заводские.

— Значит так, товарищи спортсмены, — доктор швырнул салфетку в эмалированное ведро. — В Челябинске вам практиканты попались, а не врачи. Закрытый многооскольчатый перелом фаланги. Кость раздроблена на три осколка, сухожилие частично порвано. Они ему просто гипс сверху кинули, даже осколки не совместили. Ткани начали отмирать из-за сильного отека и нарушения кровообращения, пошло воспаление. Сейчас будем вскрывать под местной анестезией, вычищать костную крошку, фиксировать осколки анатомически точно и собирать заново на спицы Киршнера. Недели три только со спицами ходить будет, чтобы кость правильно схватилась, потом гипс. Если хват восстановится процентов на семьдесят после долгой разработки — считайте, повезло. О хоккее в этом сезоне парню придется забыть. Совсем забыть. Ближайшие месяцы — только покой и антибиотики, иначе палец потеряет.

Боря Шкаф, услышав это, медленно поднял голову. Из его огромных, всегда спокойных глаз покатилась тяжелая, одинокая слеза, оставляя чистую дорожку на иссеченной ледовой крошкой щеке. Он не издал ни звука. Просто сжал левую, здоровую руку в кулак так, что побелели костяшки.

Макс смотрел на своего лучшего защитника-разрушителя и чувствовал, как внутри него, за этой чужой подростковой оболочкой, поднимается глухая, ледяная ярость. «Вымпел» остался без головы и без своего главного силового щита. Москва приближалась, а они превращались в команду инвалидов.

Глава 3. Номенклатурный тупик

Март в наших краях никогда не бывал ласковым. По утрам машзаводской поселок заволакивало серым грязным туманом, который выползал из низин со стороны железнодорожного депо. К полудню солнце едва пробивалось сквозь плотную мазутную пелену, швыряя на обледенелые тротуары тусклые, безрадостные блики. Наледь на дорогах лопалась под колесами грузовиков, превращаясь в жесткое крошево, но весной еще даже не веяло. Было зябко, сыро и муторно.

Николай Павлович сидел на лавке в каптерке стадиона «Машиностроитель», не снимая своего тяжелого суконного тулупа. Его формованная меховая шапка сиротливо лежала на тактическом столе, прямо поверх затрепанной тетради в коленкоровом переплете. Палыч казался постаревшим сразу на десяток лет. Седые усы обвисли, под глазами налились тяжелые свинцовые мешки, а пальцы в потемневших от машинного масла кожаных перчатках то и дело бесцельно вертели хромированный корпус секундомера.

Макс сидел напротив него на колченогом табурете, аккуратно прижимая левую руку к боку. Каждый глубокий вдох все еще отзывался в седьмом ребре сухим, колющим напоминанием, но правая сторона лица уже начала приходить в норму. Багровая гематома пожелтела, отек почти спал, оставив лишь плотный узел возле уха. Глаз открылся полностью, и теперь Макс смотрел на тренера своим привычным — холодным и трезвым взглядом. До середины апреля оставалось полтора месяца, и организм Мишки Соколова упрямо цеплялся за жизнь, восстанавливая ресурсы.

— Вот такие пироги, Миша... — тихо, почти шепотом произнес Палыч, уставившись в щербатый дощатый пол. — Съел нас Князев-старший. Без шума съел, по-номенклатурному. Чисто на бумаге раздавил.

— Что в горькоме сказали, Николай Павлович? — Макс говорил медленно, стараясь не размыкать челюсти слишком сильно.

Тренер тяжело вздохнул, вытащил из кармана тулупа пустой флакон из-под валидола, покрутил его в ладони и швырнул в угол, где стояли старые деревянные лопаты для чистки снега. Металлический стук флакона о черенок лопаты прозвучал как выстрел в тишине комнаты.

— А ничего не сказали. Вызвал меня сегодня третий секретарь по идеологии. Сидит в кабинете, рожа гладкая, на столе вертушка телефонная блестит. И вежливо так, с улыбочкой, бумагу мне сует. Постановление исполкома о перераспределении ведомственных средств на первый квартал. Нашу секцию перевели из категории «перспективных» в разряд «массово-оздоровительных». Понимаешь, что это значит?

Макс молча кивнул. Он слишком хорошо знал, как работает бюрократическая машина, будь то американская корпорация или советский горком. Принцип удушения неугодных везде одинаков.

— Это значит, Миша, что целевого финансирования у нас больше нет, — Палыч со злостью стукнул кулаком по колену. — Ключек фабричных, что область обещала за победу над «Трактором», — хрен нам вдоль машзавода, а не ключики. Сказали, распределили в челябинский интернат, у них там материальная база нужнее. Про путевки санаторные для Бориски Шкафа, чтобы руку после операции восстановить, даже заикаться не дали. Но главное не это... Автобус наш, ЗИЛ-158, сегодня утром деповские затребовали обратно. Официальный приказ за подписью начальника комбината: «В связи с производственной необходимостью для пере-

возки сменных бригад». Всё. Мы теперь пешком ходить будем. Область выиграла? На коленях «Трактор» обыграть умудрились? Вот и сидите теперь в своем подвале, не высовывайтесь.

В каптерке повисла тяжелая, гулкая тишина. Было слышно только, как мерно какало из проржавевшего крана в умывальнике за стеной. Металлический стук капель по эмалированному тазу казался Максиму отсчетом секунд до полной катастрофы.

Князев-старший действовал безупречно. Он не стал трогать отца Макса на заводе — побоялся рабочего бунта литейщиков и токарей, которые после челябинского триумфа готовы были носить Петра Соколова на руках. Чинуша ударил по самому уязвимому месту — по команде. Лишил пацанов колес, инвентаря и перспектив. Расчет был простым и циничным: без поддержки сверху «Вымпел» поварится в собственном соку месяц-другой, растеряет запал на дырявом поселковом катке и сам загнется к весне. А Толька Князь в это время будет спокойно обкатывать украденный «канадский замок» на идеальном крытом льду челябинского интерната под прикрытием обкомовских чиновников.

— Николай Павлович, а Москва? Телеграмма ведь из спорткомитета приходила на комбинат? — Макс подался вперед, преодолевая тупую боль в левом боку.

— Приходила, — Палыч горько усмехнулся, потеряв натруженную переносицу. — В том-то и фокус. Вычеркнуть нас из списков «Кубка Надежд» горько не может — бумага из самой столицы, за подписью председателя общества «Зенит». Князев-старший туда дотянуться не в силах, масштабы не те. Но в телеграмме четко прописано: «Проезд, проживание и питание участников — за счет командирующей организации». А командирующая организация у нас теперь — нуль. В профкоме завода мне сегодня бухгалтерша прямо сказала: «Денег на командировочные расходы для неосновного состава в бюджете не заложено. Крутитесь сами, Николай Павлович».

Тренер поднялся, подошел к узкому окну, затянутому густой морозной изморозью, и принялся ногтем ковырять ледяную корку на стекле. За стеклом, в серых сумерках, пустела коробка «Машиностроителя». Деревянные борта местами покосились, сетка за воротами провисла до самого льда.

— Самое страшное, Миша, что пацаны духом падать начали, — тихо сказал Палыч, не поворачиваясь. — Валька Королев вчера на тренировку не пришел. Мать его встретил у гастронома, говорит — Валька в ПТУ документы подал, на автослесаря. Сказал ей: «Кончился наш хоккей, мама. Поиграли в мастеров — и хватит. Провинция мы, выше головы не прыгнешь». Близнецы Колька с Мишкой клюшки свои самодельные в гараже у Серого оставили, ходят хмурые, в глаза не смотрят. Без тебя и без Бориски команда как без хребта. Разваливаемся мы, капитан. На глазах разваливаемся.

Макс медленно встал с табурета. Внутри него, под этой слабой, израненной подростковой кожей, сейчас ворочалась глухая стальная злость взрослого мужика, который в своей жизни подписывал контракты на десятки миллионов и вылезал из таких турнирных ям, которые здешним горькомовским чинушам даже в кошмарах не снились. Их хотят задушить в колыбели? Лишить инвентаря и билетов? Ну уж нет.

— Николай Павлович, — голос Макса прозвучал на удивление сухо и твердо, заставив тренера вздрогнуть и повернуться от окна. — Королева я верну. Близнецов тоже. Если Москва нас ждет — мы туда доедем. Даже если придется этот путь пешком пройти.

Палыч посмотрел на своего пятнадцатилетнего капитана поверх старых очков. В глазах старого фронтовика промелькнуло странное выражение — смесь изумления, робкой надежды и глухого уважения к этой непонятной, жесткой силе, которая внезапно проснулась в вечном запасном Соколове.

— И как ты думаешь доехать, Миша? — тихо спросил он. — До Москвы почти полторы тысячи верст. Билет на поезд в общем вагоне — шестнадцать рублей тридцать копеек. На два-

дцать человек — это больше трехсот рэ. У нас в кассе секции три рубля сорок копеек осталось. И те на керосин для паяльной лампы отложены.

— Найдем, Николай Павлович. Мужики на заводе помогут. Главное — лед держите. Тренировки не отменять. Завтра в четыре часа чтоб все на коробке стояли. И Королев в том числе. Я всё решу.

Макс перехватил брезентовый ремень своего портфеля, повернулся и вышел из каптерки. Дверь за ним захлопнулась с тяжелым, гулким стуком. Номенклатурный тупик Князева-старшего казался монолитным, но Макс Субботин прекрасно знал: любую стену можно пробить, если бить в одну точку — жестко, расчетливо и без жалости к собственным костям. Война за Москву была объявлена, и отступить машзаводской окраине было просто некуда.

Глава 4. По крупницам

Март упрямо не желал уступать дорогу весне. Днем наледь на дорогах машзаводского поселка едва подтаивала, превращаясь в серую вязкую жижу, а к четырем часам вечера мороз неизменно брал свое. Земля схватывалась жесткой ледяной коркой, изрезанной глубокими колеями от тяжелых заводских КраЗов.

В гараже у Серёги Воронина было зябко, но близнецы Колька и Мишка уже успели растопить самодельную чугунную буржуйку. В темноте угла весело трещали сосновые щепки, выплевывая сквозь щели дверцы тусклые оранжевые блики. На верстаке под слабой подвесной лампочкой в пожелтевшем плафоне царил привычный рабочий беспорядок: тиски, банки с подсохшей солидольной смазкой, мотки черной хлопчатобумажной изоленды и старые автомобильные камеры.

Макс сидел на перевернутом деревянном ящике из-под тракторных деталей. Левое ребро все еще отзывалось глухой болью при каждом резком развороте корпуса, но голова наконец-то прояснилась. Тошнота полностью отступила, звенящий туман в ушах рассеялся, оставив лишь холодный, злой расчет. Настоящие ледовые нагрузки телу Мишки Соколова были пока противопоказаны, но профессиональный разум требовал немедленно запустить процесс «сухой» адаптации.

— Подними ногу, Серый. Еще выше. Не жалея себя, — Макс говорил тихо, но в его голосе звенел металл, не допускающий возражений.

Воронин стоял посреди гаража, тяжело дыша. К его правому голеностопу толстым узлом был привязан широкий жгут, вырезанный из толстой резины грузового МАЗа. Второй конец жгута Серый намертво зацепил за массивный стальной швеллер, подпиравший потолок гаража.

— Миха... Тянет так, что связки трещат, — прохрипел Серый. На его лбу выступили крупные капли пота, а грязная рабочая футболка на спине потемнела. — Мы ж так голеностоп вообще порвем к чертям. Палыч нас на льду просто катать заставляет, веером... А тут дурь какая-то.

— Палыч учит вас бегать по рельсам, — Макс поднялся с ящика, придерживая бок ладонью, и подошел ближе. — В Москве по рельсам никто кататься не даст. Столичные «Крылья» перекроют борта, и если у тебя голеностоп не будет держать резкий разворот на триста шестьдесят градусов — тебя просто впечатают в борт на первой минуте. Это называется статодинамика. Мы закачиваем мелкие мышцы-стабилизаторы, которые будут держать сустав мертвой хваткой. Держи позицию. Пятнадцать секунд. Время пошло.

Близнецы Колька и Мишка, пристроившись на краю верстака, круглыми глазами следили за каждым движением Воронина. В их руках были зажаты самодельные сабли — те самые клюшки «Эфси», которые они бережно выгибали паяльной лампой перед челябинским финалом. Парни молчали, но в их взглядах уже не было прежней мартовской тоски и упадка. Капитан вернулся в строй, пускай пока и без коньков, а значит, игра продолжалась.

Макс вытащил из кармана драпового пальто секундомер — старый, хромированный, одолженный у Палыча под честное слово. Стрелка мерно отсчитывала доли секунд. В НХЛ

XXI века для реабилитации и закачки суставов использовались ультрасовременные балансировочные платформы, гидромассажные ванны и компьютерные симуляторы нагрузки. Здесь, в глухом советском гараже, у Макса были только смекалка, кусок мазовской резины и железная воля.

— Время. Отдых одна минута, — Макс щелкнул кнопкой секундомера.

Серый бессильно рухнул на лавку, тяжело дыша и растирая онемевшую лодыжку. Резина с сухим шлепком ослабла.

— Теперь вы, орлы, — Макс повернулся к близнецам. — Доставайте инвентарь.

Колька послушно протянул свою «Эфси». На месте стыка черенка, где треснуло дерево во время февральских ночных тренировок, глянцевым янтарным щитом застыла эпоксидная смола, прошитая нитями стеклоткани. Крюк сохранил крутой, изящный винт канадского образца.

— Ключки крепкие, это хорошо, — Макс взял инструмент в руки, проверил баланс кистью. — Но в Москве этого мало. Столичные судьи будут свистеть за каждый жесткий стык, Князь им все уши прожужжал про нашу машзаводскую костоломную тактику. Поэтому учиться будем работать кистями. Серый, тащи ведро.

Воронин поднялся, хромая, дошел до угла и приволок тяжелое железное ведро, до половины засыпанное мелкой заготовительной чугунной дробью из литейного цеха. Дробь глухо зашуршала, пересыпаясь под тусклым светом лампы.

— Суйте крюк внутрь. Прямо в дробь, — скомандовал Макс. — И крутите восьмерки. Одними кистями, корпус неподвижен. Плечи на месте. Работают только пальцы и запястья. Канадский хлесткий бросок строится на силе предплечий.

Мишка-близнец попробовал первым. Металлическая дробь оказала бешеное сопротивление, деревянное перо клюшки застряло в серой массе, а из-под краг парня раздался жалобный треск суставов.

— Тяжело, Миха... — выдохнул Мишка, налегая на черенок всем телом.

— Руки убрал! Корпусом не помогать! — жестко оборвал его Макс, ударив ладонью по черенку. — Если будешь помогать корпусом — в игре у тебя шайбу снимут на первом же финте. Сила броска не в размахе от уха, а в секундном дожиме кисти. Давай по новой. По сто движений на каждого.

Гараж наполнился мерным, сухим шуршанием металла о дерево. Близнецы сменяли друг друга каждые три минуты. Их предплечья быстро наливались свинцовой тяжестью, мышцы сводило судорогой, а пальцы в грязных крагах немели. Но никто не смел бросить клюшку. Они видели, что Макс стоит рядом, бледный, с плотно сжатыми губами, и ни разу не присел, несмотря на треснувшее ребро.

По крупцам, шаг за шагом, в условиях полного дефицита и номенклатурного тупика Макс Субботин перестраивал нервно-мышечные связи этих советских пацанов. Он не просто закачивал их тела — он вбивал в их подсознание жесткую координацию хоккея будущего.

Дверь гаража со скрипом приоткрылась, впустив внутрь густой клуб морозного пара. На пороге показался Валька Королев. Он стоял, переминаясь с ноги на ногу в своих стоптанных демисезонных ботинках, кутаясь в потрепанную курточку-болонью. В руках Валька держал засаленный дерматиновый портфель с учебниками для ПТУ.

В гараже мгновенно стало тихо. Было слышно только, как мерно потрескивают сосновые дрова в буржуйке. Серый Воронин хмуро зыркнул на Королева из своего угла, а близнецы оставили клюшку в ведре с дробью. Валька прошел внутрь, аккуратно прикрыл дверь. Посмотрел на привязанную к швеллеру мазовскую резину, на ведро с металлом, а затем перевел взгляд на Макса.

— Пришел все-таки? — спокойно, без злобы спросил Макс, убирая секундомер в карман пальто.

— Пришел, — Валька опустил голову, разглядывая грязные доски пола. — Из ПТУ документы забрать не дали, сказали — только через три дня отдадут, порядок такой. Но я там учиться не буду, Миха. С души воротит. Миха... Слышал я в депо, что автобуса у нас больше нет. И клюшек область не даст. Мужики говорят — Князев-старший нас полностью перекрыл. Смысл упираться, если нас до поездки обнулят?

Макс сделал шаг навстречу Королеву, положил руку ему на плечо. Палыч был прав: пацан просто испугался неизвестности и давления сверху, выбрав ложный путь отступления. Но ломать его характер Макс не собирался — его нужно было укрепить. Пальцы Макса сжались с такой неожиданной стальной силой, что Валька невольно поморщился.

— Клюшки у нас есть, Валя. Вот они, на верстаке лежат, — Макс кивнул в сторону самодельных сабель. — Резина есть. Руки есть. И хребет у команды есть, пока мы здесь собираемся. Завтра в четыре тренировка на коробке. Форму забирай у Палыча. Ты с нами, Королев? Или так и будешь всю жизнь чужие гайки крутить, пока Толька Князев по Москве катается?

Валька помолчал, сглатывая тяжелый ком в горле. Его взгляд скользнул по потным лицам близнецов, по перебинтованной ноге Серого Воронина. Провинциальная рабочая гордость, которую Князев-старший пытался растоптать своими горкомовскими циркулярами, упрямо брала свое. Обида на «чинуш» сработала как идеальный триггер.

— С вами, Миха, — тихо, но отчетливо сказал Валька, швыряя портфель в угол на кучу ветоши. — С вами. Пускай в горcome подавятся своими автобусами. Пешком дойдем.

Макс удовлетворенно ухмыльнулся. Первая тактическая победа в этом сером марте была одержана. Команда возвращала свой хребет, кусок за куском, крупица за крупицей. Москва приближалась, и пускай у них не было номенклатурного блеска, внутри этого холодного гаража рождалась та самая монолитная, злая сила рабочей окраины, готовая крушить любые столичные авторитеты.

Глава 5. Белый бант и йод

Сырой мартовский вечер опускался на рабочую окраину быстро, словно кто-то гасил тусклую сороковаттную лампу в прихожей. В маленькой двухкомнатной квартире Соколовых стояла тишина, прерываемая лишь мерным, тяжелым тиканьем ходиков с кукушкой на кухне. Мать ушла во вторую смену на хлебокомбинат, а отец, уставший после тяжелой разгрузки платформ в депо, спал в большой комнате, глухо и надсадно похрапывая сквозь сон.

Макс сидел у окна в своей каморке. Панцирная сетка кровати под ним тихонько поскрипывала при каждом движении. На коленях лежала общая тетрадь в синей коленкоровой обложке, которую Ленка передала ему еще перед выездом в Челябинск. Макс лениво перелистывал серые страницы, исписанные аккуратным, круглым девичьим почерком. Синусы, косинусы, даты съездов партии... Для мастера спорта вся эта школьная программа девятого класса казалась детским лепетом, но вчитываться приходилось — Инесса Викторовна обещала устроить жесткий опрос на первом же уроке после больничного.

Правая щека уже почти не наливалась свинцом, но у самого уха все еще прощупывался плотный, болезненный узел. Трещина в седьмом ребре при каждом резком выдохе напоминала о себе сухим, колющим треском. Спасала только тугая повязка из эластичного медицинского бинта, которую Макс умудрился достать через знакомого аптекаря на сэкономленные тридцать копеек.

В дверь прихожей негромко, робко постучали. Три коротких удара, затем пауза.

Макс отложил тетрадь, поднялся, придерживая левый бок ладонью, и заковылял в коридор. Замок поддался не сразу, заскрежетал ржавым нутром. На пороге, кутаясь в пушистый белый воротник цигейковой шубки, стояла Ленка. Из-под вязаной белой шапочки выбивались растрепанные на мартовском ветру золотистые пряди. На шее аккуратным узлом был завязан форменный капроновый бант — она пришла прямо из школы, минуя домашний обед. В руках

Ленка держала тяжелую сеточку-авоську, сквозь ячейки которой тускло поблескивала темно-янтарная стеклянная банка с засахаренным медом и бумажный сверток.

— Привет, Соколов, — тихо, почти шепотом сказала она, испуганно озираясь на полумрак прихожей. — Я... я проведать тебя. Мама сказала, что к тебе в больницу никого не пускали, кроме родителей.

— Привет. Заходи, — Макс отступил в сторону, освобождая проход. Говорил он спокойно, сдержанно, левым углом рта, стараясь не размыкать челюсть слишком сильно.

В прихожей было прохладно, тянуло сыростью от мокрых отцовских сапог, стоявших у порога. Ленка аккуратно разулась, поставив свои чехословацкие сапожки на газету, и прошла в его маленькую комнату. Она сразу заметила гантели у стола, брезентовый баул в углу и портрет Харламова, приклеенный скотчем к стене. Синяя тетрадь на кровати заставила её робко улыбнуться.

— Физику учишь? — Ленка поставила авоську на колченогий стол, аккуратно расправив юбку коричневой школьной формы. — Инесса Викторовна сегодня Королева у доски гоняла по геометрии. Он как баран стоял, мычал только. Сказал, что форму забирал на стадионе. Вы что, опять тренироваться начали? Тебе же врач полтора месяца лежать велел!

— На лед мне пока нельзя, — Макс вернулся на кровать, панцирная сетка жалобно прогнулась. — Но пацанам форму терять нельзя. В середине апреля Москва. «Кубок Надежд».

Ленка присела на край деревянного стула, стоявшего у стола. Достала из авоськи бумажный сверток, бережно развернула его. На серую газетную страницу лег круглый, плотный круг домашнего творога. От него исходило густое, приятное тепло свежего молока — дефицит, за которым в местном гастрономе рабочие выстраивались в очереди с шести утра.

— Вот... мама велела передать. И мед с пасеки дяди Коли. Мама говорит, при трещинах в костях надо много кальция есть. И глюкозы для сердца, — она подняла на него свои большие, серые глаза, в которых сейчас читалось странное, не девичье, а какое-то взрослое, тревожное участие. — Миш... лицо-то у тебя как пожелтело. Синяк огромный. Тебе очень больно было, когда этот челябинский... Глыба тебя ударил?

Макс посмотрел на творог, затем на Ленку. Прежний Мишка Соколов от такого визита первой красавицы класса уже залился бы пунцовой краской, начал бы заикаться, мять пальцы и обещать носить её портфель до самого выпускного. Но внутри этого подросткового каркаса сейчас сидел холодный, заматеревший профессионал, который видел сотни таких восторженных девчонок за океаном. Ему было не до романтики. Команда стояла на грани развала, Князев-старший перекрывал кислород через горком, а впереди маячил жесткий столичный выезд. Внимание девчонки было приятным, но оно отвлекало от главного — от тактической сетки.

— Спасибо, Лен. Творог пригодится. Это чистый белок, строительный материал для мышц, — Макс ответил ровно, без капли прежнего сопливого обожания, удерживая жесткую дистанцию. — Боль — это просто сигнал нервной системы. В хоккее без этого не бывает. Если боишься боли — иди в шахматы играть.

Ленка удивленно моргнула. Насупилась, её аккуратный носик забавно сморщился, а пальцы в тонких шерстяных перчатках, которые она так и не сняла, крепко сжали край стола. Эта новая, ледяная и уверенная манера общения Соколова сбивала её с толку уже не в первый раз. Она привыкла, что все мальчишки в школе заглядывают ей в рот, а этот провинциальный капитан смотрел сквозь неё, словно просчитывал траекторию паса на три секунды вперед.

— Ты... ты стал какой-то чужой, Соколов, — тихо, с обидой в голосе произнесла она, отворачиваясь к окну. За стеклом тускло поблескивала крыша соседнего барака. — Раньше ты хоть разговаривал нормально. А теперь как директор машзавода вещаешь. «Белок», «сигнал системы»... Мальчишки в классе говорят, что ты Князя из секции выжил, потому что злой стал. Только в Челябинске теперь, в интернате, у него форма чехословацкая. А вы тут в гараже у Серого колеса от МАЗа крутите. Зачем тебе всё это, Миш? Ну не поедете вы в Москву, отец

говорит — у завода денег нет на ваши билеты. Извинись перед Князевым-старшим, ну ради отца твоего, ради секции...

Макс медленно поднялся с кровати. Левое ребро отозвалось коротким уколом, но он даже бровью не повел. Подошел к столу, взял банку с медом, аккуратно переставил её на полку. Повернулся к Ленке, глядя ей прямо в глаза под пушистым козырьком белой шапки.

— Извиняться перед трусами я не буду, Лен, — в его голосе проступила та самая стальная хватка, от которой Князь в челябинской раздевалке вжимался в стену. — Князев-старший силен, пока перед ним на коленях ползают. Как только перед его сыном выстраивается жесткий силовой щит — они оба бегут жаловаться в горком. Москва нас ждет. И мы туда доедем. Даже если придется этот тракт на брюхе проползти. Передай своей маме спасибо за творог. А тетрадь по физике я завтра Серому отдам, он в школу занесет. Мне некогда сейчас на школьные вечера ходить. У нас завтра тренировка на коробке.

Ленка вспыхнула. Её щеки налились ярким, пунцовым румянцем от обиды и уязвленного самолюбия. Она круто повернулась на каблуках, капроновый бант в волосах зло хлыстнул по воротнику шубки.

— Ну и сиди в своей каморке, сухарь! — звонко, со слезами в голосе выкрикнула она, срывая с вешалки пальто. — Посмотрим, как вы до своей Москвы доберетесь без билетов! Права была Наташка, ты просто выскочка!

Дверь прихожей захлопнулась с тяжелым, гулким стуком, от которого звякнули стеклянные баночки на кухонной полке. В большой комнате на мгновение прекратился отцовский храп, Петр Соколов поворочался на диване, глухо выругался сквозь сон и заснул по новой.

Макс вернулся к окну. На столе белел круг домашнего творога на серой газетной полосе. Внутри него, где-то в самых глубоких, юношеских пластах памяти прежнего Мишки, шевельнулось старое, глупое и теплое чувство — парень ведь действительно любил эту отличницу до беспамятства. Но Макс Субботин упрямо и жестко задавил этот отголосок чужого прошлого. Отношения, девичьи слезы, капроновые банты — всё это потом, в другой жизни, когда на груди будет блестеть золото настоящей пробы.

Глава 6. Проверка резерва

Мартовский лед на коробке «Машиностроителя» сделался серым, пористым и тусклым, как старое засаленное зеркало. Весеннее солнце к четырем часам дня уже успевало подьесть верхний слой, превращая его в рыхлую снежную кашу, но к началу тренировки мороз снова схватывал коробку жестким, выбоинистым панцирем. Щель между деревянными бортами забила грязным настом, а металлическая сетка за воротами, пробитая тяжелыми февральскими щелчками Бори «Шкафа», сиротливо провисала до самых досок.

Макс стоял у бортика, натянув поглубже старую шерстяную шапку-петушок. Его левое ребро, стянутое тугой повязкой из эластичного бинта, при каждом резком выдохе отзывалось тягучим, но уже терпимым давлением. Правая сторона челюсти заживала, оставив на память лишь плотный узелок под кожей у мочки уха. Выходить на лед в коньках ему по-прежнему было нельзя — хирург на последнем осмотре сурово пообещал упрятать его в областной стационар при малейшем намеке на рецидив сотрясения. Но контролировать процесс Максусу никто запретить не мог.

— Королев! Куда ты катишься?! Ноги шире поставь! Ниже посадку! — хриплый, простуженный голос Палыча разносился над пустой коробкой.

Тренер стоял посреди поля в своем неизменном суконном тулупе, держа в руке хромированный секундомер. Его седые усы покрылись изморозью, а взгляд из-под старых очков в роговой оправе оставался хмурым и тревожным.

На льду шла двусторонка. Без Макса в центре и без Бори на синей линии первая пятерка «Вымпела» напоминала механизм, из которого вынули главную стальную шестерню. Валька Королев, вернувшийся из своего краткосрочного бегства в ПТУ, старался изо всех сил. Его

стоптанные кожаные «Ботасы» с хрустом резали крошево, лицо багровело от натуги, но координации не хватало. Парень пытался дирижировать действиями пацанов, но прежний академичный советский «веер» без жесткого центрального стержня разваливался на первой же поперечной передаче.

— Миха, не держит замок! Проваливаемся! — крикнул от синей линии Серый Воронин.

Серый играл с плотной эластичной муфтой на правом голеностопе, которую они всю неделю закачивали мазовской резиной в гараже. Нога его держала нагрузку, но в паре с Колькой-близнецом они постоянно теряли позицию. Колька пятился назад слишком рано, уходя к своим воротам по старой привычке, и средняя зона превращалась в дырявое брезентовое решето. Петька Зайцев на левом борту метался как испуганный заяц, не понимая, под кого открываться.

Макс с силой хлопнул ладонью по деревянному планшету заграждения:

— Стоять! Всем к борту! Живо!

Пацаны затормозили, обдав доски ледяной серой крошкой. Они катились к лавке тяжело, согнув спины, шумно выдыхая густые клубы белого пара в морозный воздух. В их глазах под потрескавшимися пластиковыми шлемами «Сальво» читалась глухая, вязкая усталость. Они понимали, что без своих лидеров превращаются в тех самых провинциальных оборванцев, какими их всегда считали в области.

— Вы что на льду устроили? — Макс обвел их холодным, трезвым взглядом. В его голосе не было подростковой злости — только сухой, профессиональный разбор ошибок. — Колька, почему назад катишься? Я тебе сто раз говорил: замок работает только тогда, когда синяя линия перекрыта намертво телом. Ты даешь их игроку три метра свободного пространства. Столичные «Крылья» за эти три метра тебя из трусов вытряхнут и не заметят. Королев, в центр смещайся быстрее, ты перекрываешь траекторию паса, а не бегаешь за шайбой как щенок!

— Так сил нет, Миха... — Колька-близнец опустил голову, разглядывая обмотанный черной изолентой крюк своей самодельной «сабли». — Бежишь, бежишь, а ноги как чугунные тумбы. И пас отдать некому в центр. Валька торопится, под бросок лезет раньше времени.

Валька Королев зло сплюнул на доски пола, стянул грязную крагу и вытер пот со лба:

— Да потому что центр пустой! Ты, Миха, на банке сидишь, Бориска в больнице со спицами в пальце кукует. Против кого нам играть? Сами себя по кругу возим! Мужики в депо говорят, в Москве на «Кубке Надежд» площадки искусственные, ровные как стекло, шайба летит со свистом. А мы на этой каше шаг сделать не можем. Разве это тренировка? Убиваемся впустую! Парни из ПТУ надо мной ржут, говорят — в космос собрался, нищета подвальная!

Палыч подошел ближе, тяжело дыша и пряча озябшие пальцы в карманы тулупа. Он молчал, внимательно вглядываясь в лицо своего пятнадцатилетнего капитана. Старый тренер видел, что команда подошла к опасному ментальному излому. Хребет, который они с таким трудом собирали по крупицам в холодном гараже, снова готов был треснуть под давлением усталости и провинциального скепсиса.

Макс перевел взгляд на Королева. Сделал шаг вперед, вплотную прижавшись грудью к деревянному заграждению.

— Впустую, говоришь, Валя? — тихо, но с такой отчетливой стальной хваткой в голосе произнес он, что Королев невольно отступил на полшага назад по льду. — А ты думал, в Москве тебя с оркестром встречать будут? Думал, там пижоны столичные испугаются твоего птушного диплома? Они сытые. Они тренируются два раза в день на закрытых катках под крышей, где ветра нет и мазутом из труб не тянет. У них форма чехословацкая и клюшки литые. Если ты сейчас на этом сером насте слюни распустишь — они нас там просто сожрут и не поморщатся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.